

Владимир Коржик

Родной порог

Сборник стихов и песен

Владимир Коржик

**Родной порог. Сборник
стихов и песен**

«Издательские решения»

Коржик В. И.

Родной порог. Сборник стихов и песен / В. И. Коржик —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838206-2

Олицетворение божественной красоты занимает особое привилегированное положение. Здесь нашлось место и великолепному природному ландшафту, с его неповторимой флорой и фауной, и вековыми традициям, нравам и укладу русского народа. Всяк, кто соприкоснётся со сборником «Родной порог», станет добрее и справедливее, и крупинка от Бога найдёт место в его сердце.

ISBN 978-5-44-838206-2

© Коржик В. И.
© Издательские решения

Содержание

С т и х и	6
ЛАЗУРЬЮ НЕБА РАСЦВЕТАЯ	7
ЕСЛИ ЖЕНЩИНА РОДИТСЯ	9
ПЛЕНЯТСЯ ВАМИ ИЗДАЛИ	11
Я НАПОМНЮ О МИЛЫХ РЯБИНАХ	12
СНОВА У ОВРАГА	13
ЖАЛЬ, НЕ ПОКАЗАЛОСЬ	14
НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ, НЕ СПЕШИ	15
ТОСКОВАЛА ИВА	16
РОТА №6	17
ЛЕПЕТАЛА ВНУЧКА	19
У ДЕРЕВНИ – ЭТАК ЗА ВЕРСТУ	20
ДАМА ПИК	21
ПИСЬМО НА ДНЯХ...	22
ЧЕРЁМУХА	23
ТРОПА У ГОРНОГО РУЧЬЯ	24
КУСОЧЕК РОССИИ	26
ПОД ТЕНЬЮ ЛИПЫ, У КУСТА	28
ПОКАТИЛОСЬ КОЛЕСО	29
СКОЛЬКО ЛЕТ...	30
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО	31
ЭТА НОЧЬ – МНЕ, КАК БАРХАТ БУТОНА	32
ЗАТЕРЯЮСЬ НА ВОЛЕ У ЛЕСА	33
Я БЫ МОГ...	34
ПО СЛЕДУ, ПО ЛУННОМУ СЛЕДУ	36
НО ЧТО-ТО ТЯНЕТ	37
МЕСЯЦ НА ОПУШКЕ ОКРОПИЛ КУСТЫ	39
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ТРЕХ ДОРОГ...	40
СНОВА МНЕ СНИТСЯ ТОТ СОН	41
ПОЭТА ГРУСТЬ, СТРОКУ ЛЕЛЕЯ	42
В СЕРЕБРЯНОЙ ДЫМКЕ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Родной порог

Сборник стихов и песен

Владимир Иванович Коржик

© Владимир Иванович Коржик, 2017

ISBN 978-5-4483-8206-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И будут струны серебриться,
В тени таинственной звезды,
Аккорды птицей будут виться,
А рифмы лягут на лады...

В. И. Коржик E-mail: vladim.corzhick@yandex.ru

С Т И Х И

ЛАЗУРЬЮ НЕБА РАСЦВЕТАЯ

*В порыве страсти, чуть дыша,
Берёза, ветвями шуриша,
Обнять пыталась мальшиа:
«Иди ко мне, моя душа.
Неужто я не хороша?»*

Лазурью неба расцветая,
Струится талая вода,
И снег рыхлеет, убывая,
Подснежник тонкий, прорастая,
Берёзе тихо шепчет: «Да...»

Она, украдкой улыбаясь,
Смотрела нежно свысока,
К земле игриво преклоняясь,
Причём, ни капли не смущаясь,
Вдыхала аромат цветка.

А листья трепетно дрожали,
Похоже всё на чудный сон,
И видит Бог, они едва ли,
В плену загадочной печали,
Прервут сердечный перезвон...

Прекрасен миг, но всё конечно —
Подснежник начал увядать.
Как жаль, что в мире бесконечном,
Всегда прекрасном, чистом, вечном
Его уж больше не видать.

Ну, как же так? О, Боже правый,
Зачем ей тяжкий крест нести?
Любовь, прошу, — не будь отравой,
И прояви рассудок здравый,
Позволь ей счастье обрести...

Весна прошла, минуло лето,
И осень в зиму перешла.
И где-то в сумерках рассвета,
Господь, хвала тебе за это,
Любовь сама сюда пришла.

Пахнуло зеленью лесною,
Весенней свежестью, теплом.
И шелковистой листвою

Подснежник, с гордой головою,
Берёзе низко бьёт челом.

1999

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА РОДИТСЯ

Если женщина родится раннею весной,
Птица в танце закружится, свежестью лесной,
Ароматом очарует птичьи голоса,
А быть может, околдует дивная краса.

Засияет над землёю изумрудный свет,
Нежно-алою зарёю заблестит рассвет,
И деревья обласкает еще сонный луч,
Серый камень засверкает Жигулёвских круч.

Если женщина родится – на берёзах сок,
По травинке будет виться тонкий завиток,
И умоется росой шелковистый шмель,
И прикроется красою по ночам апрель.

Пышет сладостное лето, привлекает высь,
И, теплом лучей согреты, травы поднялись.
Рукоплещет сине море голубой волной,
Если женщина родится летнею порой.

Осень листья рассыпала золотым дождём,
Горсть рябины запылала, вся горит огнём.
«Бабье лето», засыпая, изгибая бровь,
От любви само, сгорая, будоражит кровь.

А в морозный зимний вечер тихо, не спеша,
Прикрывая в небе свечи, как вуаль, шурша,
Опускается на плечи сказкой перед сном
Белый снег, а ясный месяц вспыхнет серебром.

Если женщина родится – вознесёмся в храм,
Стоит Богу поклониться – станет легче нам.
Утешает, согревая, сердца доброта,
Очищает мир, спасая, Божья красота.

1999

ПЛЕНЯТСЯ ВАМИ ИЗДАЛИ

Пленятся Вами издали,
Вы – лёгкий шарм очарований,
Обидеть, Боже сохрани,
Вы – муза таинства желаний.
Аккорд любви,
Вы – нота Си.
Вы не окраина Руси,
Вы – суть её и центр Вселенной.
Лелею образ Ваш нетленный,
И вижу часто по ночам...
Здесь виден след: «Chercher la femme».

2002

Я НАПОМНЮ О МИЛЫХ РЯБИНАХ

Я напомню о милых рябинах,
О берёзовых рощах, полях,
О роскошных, кудрявых калинах
И летящих домой журавлях.

Вдоль оврага источник струится...
Крест на крыше – святые места.
Преклоняюсь водицы напиться,
Восхищаюсь, зовёт чистота.

За рекою, вдали, где пригорок,
Переплясом – малиновый звон,
Он прекрасен, так ясен и звонок,
Теплота с ним идёт от икон.

Под покровом лазурного неба,
От костра потянуло дымком,
И краюху домашнего хлеба
Запиваю парным молоком.

На подворье уж банька дымится,
Там – ядрёный, берёзовый пар,
А по венику тело томится,
Закипая, шумит самовар.

Разомлею от пышного пара,
И холодной водой окачусь...
Не теряя словесного дара,
Я Калгановой нынче «лечусь».

За околицей солнце садится,
Оставляя заботы свои.
Кто-то спит, а кому-то не спится,
И поют до утра соловьи.

Месяц ясный вновь станет луною,
Украшая глубинку мою,
Родниковую чистой водою
Утоляю я душу свою.

1999

СНОВА У ОВРАГА

*«Милая подруга, славная моя...» —
Напевала вьюга, слаще соловья.
Подпевала вьюге белая метель:
«Краше нет подруги у меня теперь...»*

Снова у оврага, на краю села,
Вьюга поиграла, снега намела,
Иней – жемчугами, словно бахроме,
Белыми стогами светятся дома.

На окне узоры: гжели кружева,
Привлекает взоры неба синева.
Вовсе не приснилось: на стекле – глаза,
Хрусталём скатилась тонкая слеза.

Выйду на крылечко, трону лемеха,
Недалече – речка, снега вороха.
До весны далёко, сонная земля,
Околдуют око белые поля.

Дремлет под горою изумрудный лес,
Дышит чистотою, кроны – до небес.
У холма калина с гроздьями огней,
Рядышком – рябина, вместе веселей.

Вот спорхнула птица с веточки сосны,
Что-то ей не спится, и тревожат сны,
Вихрем под уклоном – бисер серебра,
А сосна – с поклоном, как она добра!

Дуб – на косогоре, за его плечом
Бьёт родник на воле сказочным ключом,
Тонкие берёзы девичьей красы,
Да лесные грёзы ледяной росы.

Потянуло с речки свежим ветерком,
И душок от печки закружил дымком,
Облака – грядую, словно карусель,
А вдали фатою стелется метель...

1999

ЖАЛЬ, НЕ ПОКАЗАЛОСЬ

Жаль, не показалось, уронил весло,
Что в душе осталось, видно, унесло.
Суета забвений, раздвигая тень,
Лепестком сомнений ляжет на плетень.

Мне бы помолиться, отвести беду,
Голова кружится, я уже – в бреду...
Кажется, всё снится: дом родной, крыльцо...
И легла грустинка тенью на лицо.

«Отпустите, бесы...» – я хриплю, кричу,
В голове – завеса, но домой качу.
Вот она – калитка и тенистый сад,
Ползал, как улитка, много лет назад.

Заскрипели двери, вижу мать свою,
Молча на колени голову клоню,
А она – седая, вся белым-бела,
Сына обнимая, слёзы полила.

В горле запершило, милая моя...
Вспоминаю, было – здесь родился я,
Здесь меня крестили, каждый уголок
Мы исколесили... «В дом пойдём, сынок».

Скатерть накрывает, кормит сына мать.
Душу очищает, уложила спать.
И всю ночь молилась, а огонь свечи,
Жаль, что не приснилось, угасал в ночи...

1999

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ, НЕ СПЕШИ

Новогодняя ночь, не спеши.
Не спеши, расставаться не надо,
На серебряных струнах души,
На аккордах хрустальной прохлады.

В ритме вальса шагнёт карнавал
Легкой поступью зимнего бала,
Заискрится хрустальный бокал
В полумраке вечернего зала.

А красавица-ночь волшебства,
Порождая волшебные чары,
Очарует в канун Рождества,
В белом танце закружатся пары.

Ярко вспыхнет на небе звезда,
Изумрудно-янтарного цвета,
Ровно в полночь уйдёт в никуда...
И хвала тебя, Боже, за это.

Прорастет из зерна колосок,
Заиграет на солнце лучами,
Возродится звезда, как цветок,
Божий храм засияет свечами.

Купола замерцают, блестя,
А сердца зазвенят перезвоном...
И родится святое дитя,
Укрываясь малиновым звоном.

Озарится ночной небосвод
Ореолом чудесного света,
По земле зашагает Господь,
Заблестит голубая планета.

Новогодняя ночь, не спеши.
Расставаться с мечтами не надо,
На серебряных струнах души,
На хрустальных аккордах прохлады.

2000

ТОСКОВАЛА ИВА

Тосковала ива, низко над водой
Ветви опустила, гибкою лозой
Изредка касаясь зеркала воды,
Словно испарялись лёгкие следы.

Что-то загрустила, а, быть может, зря —
Сказочно красива – на исходе дня.
Вечер, догорая, звёзды зажигал,
Словно приглашая на волшебный бал.

Бархатное лето, сладостная ночь,
Грёзы – до рассвета, а она не прочь
В речке искупаться, косы расплести,
Плакать и смеяться, счастье обрести.

Летняя прохлада – дымкой над водой,
Ивушка так рада, месяц молодой
В небе появился, глянул из-за туч,
И в реке родился золотистый луч.

Жемчугом сияла не от волшебства,
Трепетно дрожала тонкая листва.
Нет конца, начала музыке любви,
Вечная звучала... Боже, сохрани...

Призрачное счастье, алый цвет зари,
Сладкое причастье, Боже, сотвори.
Глянула с мольбою – ветви на восток,
Чистой росой – слёзы на песок...

Тосковала ива, низко над водой
Ветви опустила, гибкою лозой
Изредка касаясь зеркала воды,
Словно испарялись лёгкие следы.

2000

РОТА №6

Не звезда сверкает, а орлиный глаз,
Всем напоминает: здесь седой Кавказ,
Сохраняя нравы, не готов любить,
Как стакан отравы может погубить.

Облака на небе прятали закат,
О домашнем хлебе вспоминал солдат.
Вовсе не былинка, дом родной, крыльцо
Вспомнил, и грустинка – тенью на лицо.

Словно засыпая, «голубой берет»,
Сам не замечая, гладил амулет,
К камню прислонился, надо отдохнуть...
Небу поклонился и собрался в путь.

Птицы, как свирели, а в ночной тиши
Зубы закрипели – запах черемши.
Хоть весна в разгаре, но, увы, не рад,
Блещет, как в угаре, чёрный автомат.

Темень надвигалась, позади – привал,
Рота выдвигалась, шла на перевал.
Ночь была, едва ли многим Божий дар,
Горы прокричали: «А... Аллах Акбар...»

Небо озарилось, но – не благодать...
Эхо прокатилось, вспоминая «мать».
И земля пылала... Не война, не месть,
Высоту держала рота номер шесть...

Вынесли из боя парня на руках.
Не был он изгоем, как-то впопыхах:
«Лёха, я прикрою... Бей, ещё один...»
Белою фатою стелется жасмин.

Матери приснилось: плохи там дела,
Под крестом молилась – сына берегла.
Вовсе не старушка, но – белым-бела,
А в часах кукушка что-то замерла.

Расцвели жердели, но – не в добрый час.
Что же ты наделал, батюшка Кавказ?!
Не поставил точку в споре у огня,
Не вернул сыночка матери, а зря!

У окна рыдала бледная вдова,
Мужа потеряла, сына не смогла
Уберечь от пули. Вечные, во сне,
Сыновья уснули, рано по весне.

2000

ЛЕПЕТАЛА ВНУЧКА

Лепетала внучка – годик с небольшим,
Крохотные ручки, ростиком – с аршин,
Голубые глазки, словно васильки,
Рождена от ласки, а не от тоски.

Бабочкой кружится, шарфик теребя,
Что-то ей не спится, и халат, любя,
Личиком ласкает, шепчет тихо: «Мам...»
Уж-то понимает, что же делать нам?

Пальчиком на книжку... времечко идет...
Косолапый мишка по бревну ползёт...
Слёзы набежали, плечики дрожат,
И уже едва ли видит медвежат...

Двери заскрипели, на пороге – мать,
Ноги, как газели, их не удержать.
Ах, как улыбалось детское лицо!
И щекой касаясь, гладила кольцо...

Белый ангелочек млеет в облаках,
Маленький клубочек дремлет на руках,
Сладко засыпая, носиком сопя.
Чистота святая – малое дитя.

2000

У ДЕРЕВНИ – ЭТАК ЗА ВЕРСТУ

У деревни – этак за версту,
У дороги, праведных встречая,
Время точит Божью красоту,
Храм Богоявленский замечая.

Церковь опустела у села...
Свод когда-то гордо возвышался,
Золотом сверкали купола,
Из крестов один всего остался.

С красного резного кирпича,
На белках яичного раствора,
Арками, что с барского плеча,
Храм сиял... и плакал от укора.

Строгих линий меркнет силуэт,
Вековые стены потускнели,
Колокольный звон теряет след...
Сохранить святое не сумели.

Растоптать духовный Божий клад —
Потерять себя, лишится речи,
А ведь были нравы и уклад...
И печаль тоской легла на плечи.

Подрубить все корни сгоряча,
И не вспомнить русские берёзы...
Вихрем опалённая свеча,
Возле алтаря роняет слезы.

У деревни – этак за версту,
У дороги, праведных встречая,
Время точит Божью красоту,
Храм Богоявленский замечая.

2000

ДАМА ПИК

Годы улетают словно птицы,
И уже вчерашнее – вчера,
В памяти воскресшие страницы
Бисером украсят вечера.

Сяду у окошка, потоскую,
Кромками осколки – по судьбе.
Дама Пик... и снова я банкую,
Звёзды мне нашепчут о тебе.

Шелест золотого листопада
Журавлиный клин уносит вдаль,
Красота любви – души отрада,
В воздухе волнами вьётся шаль.

Белый лебедь в небе закружится,
Лунная дорожка – серебром.
То ли наяву, а то ли снится:
Бор сосновый, снова мы – вдвоём.

Трепетной свирелью птицы пели,
Алою зарёю – ночь и день.
Ветви сосен, словно колыбели,
От костра метнулась чья-то тень...

Банк мечу, но туз бубновый – снова,
На краю ложится дама Пик...
Скверно на душе и непутево...
Всё угаснет, испарится вмиг.

Клёны шелковистою листвою
У дороги встретили меня,
И поклон им низкий – головою,
Бог рассудит, он теперь – судья.

Годы улетают словно птицы,
В прошлое вернуться – ни на миг,
Лишь мелькают в памяти страницы,
Не бледнеет та, где – дама Пик.

2000

ПИСЬМО НА ДНЯХ...

Письмо на днях мне мама написала:
«Болею нынче, плохо мне, сынок,
Молюсь и жду, как будто – у вокзала,
Пошли, Господь, скорей последний срок...»

Строка письма волнений не скрывала:
«Младшой сынок забыл, не хочет знать.
Прости, Господь, что плохо воспитала,
Скорей всего, мне сына не видать».

Озноб – по телу, руки задрожали.
Во все века – святое слово «мать»
И правнуки, и внуки уважали.
Как жаль, что это сыну не понять.

Но не забыть тебе родного края,
И дерево засохнет без корней,
И не прожить счастливо, забывая,
Что мать – всего милее и добрей.

И дом родной, и все его тревоги...
Не позабыть родимого крыльца,
И обелиск, что – на краю дороги,
Черты родного нашего отца.

Пусть голова с годами побелеет,
Былинкой станет пышная трава,
Душою мать совсем не обеднеет,
Хоть время перемелют жернова.

Печальным светом светятся берёзы,
Не всё бывает гладко по судьбе,
И по ночам, роняя тихо слёзы,
Тоскуя, мама вспомнит о тебе.

2001

ЧЕРЁМУХА

Сказочно-волшебная – не во сне,
Белоснежно-нежная – по весне,
Трепетно-венчальная – на ветру,
Словно нимфа ясная, – поутру.

В роще за околицей – соловьи,
Льётся песня горлицей о любви.
Вьются легкой дымкою у реки,
Тонкой паутинкою, родники.

На листьях ложбиночки – в серебре,
Капельки-слезиночки – в хрустале,
Бисером покроются лепестки,
А росой умоются – нет тоски.

«Ах, моя нарядная, что молчишь?
Стройная и ладная, а грустишь!» —
Серенады нежные ветер пел,
Утешал мятежную, как умел.

Свет-заря вечерняя – алый мак,
Ни подруга верная, и никак...
Хоть бокал – за здравицу, не смогли
Уберечь красавицу от любви.

Ночью темно-синяя полоса
Замесила с инеем небеса.
Облака пушистые – на снегу...
Плакала душистая: «Не могу...»

Травы шелковистые полегли,
Гроздья серебристые – у земли...
Жемчуга не видятся – не фата,
Свадьбы не предвидится – пустота.

2001

ТРОПА У ГОРНОГО РУЧЬЯ

«Тропа у горного ручья...
Она – ничья, она – ничья...», —
Сосна шептала сгоряча,
Как опалённая свеча,
Роня слёзы на песок,
А одинокий серый волк,
Тревожно глядя на луну,
Терзает душу, как струну.

Струится свет издалека,
У ног – красавица река.
Она чиста и глубока,
Но тот ручей, издалека,
Уносит нас, где отчий дом
И куст сирени – под окном,
Там в детстве бегал босиком,
И каждый камень был знаком.

Туда, где тонкая лоза,
Вино, как девичья слеза,
А на кустах – душистый хмель,
И в небесах – мохнатый шмель.
Там – золотые купола,
Звеня, зовут колокола,
У птицы счастья – два крыла,
В траве поют перепела.

А у калитки встретит мать:
«Я так устала тебя ждать...»
И низко в пояс поклонюсь,
В тепло ладони окунусь.
И на колени припаду
В тенистом сказочном саду...
Вот только жаль, что у ручья
Грустит тропа, она – ничья.

«Тропа у горного ручья...
Она – ничья, она – ничья...», —
Сосна шептала сгоряча,
Как опалённая свеча,
Роня слёзы на песок,
А одинокий серый волк,
Тревожно глядя на луну,
Терзает душу, как струну.

2001

КУСОЧЕК РОССИИ

В заповедной тиши,
Где серебряный иней,
Торопить не спеши —
Я покаюсь России...
В родниковой дали
Там береза томится,
А роса до зари
По осоке слезится.

Там сияет луна
Золотою каймою,
Тихо шепчет волна,
Я повенчан судьбою.
Тот малиновый звон
Окрестил нас с тобою...
Под церковей перезвон
Припаду головою.

Улечу, в облаках,
Под крылом темно-синим,
Пронесу на руках
Я кусочек России.
Унесу за версту,
В уходящее лето,
Окунусь в теплоту,
Утону до рассвета.

Пред тобою – в долгу,
Временами я грешен,
Разлюбить не смогу,
Без тебя – неутешен.
Упаси, сохрани...
Видит Бог, я страдаю,
Мое сердце верни,
Без него пропадаю.

И парным молоком
Напой, засыпая,
Я не просто знаком,
Ты до боли – родная.
Я – частица тебя,
И тропую лесною
Стану, молча скорбя,
У березы весною...

2001

ПОД ТЕНЬЮ ЛИПЫ, У КУСТА

Под тенью липы, у куста,
Осина робкая дрожала.
Она прекрасна и чиста,
Слегка березу укоряла:
«Игрива тонкою листвою,
Ты – лебедь белая на плёсе,
И белоснежна берестой,
Как снег весенний на откосе.

Легенда трепетной любви,
Ты – муза нежная поэта.
И в белых рощах соловьи
Тебя лелеют до рассвета.
Ты на аллеях городов —
Мираж волшебный поднебесья...»
И среди поросли лесов,
Грустит осина у прилесья.

И ореолом – облака,
Звезда небесная – в печали.
Струится свет издалека,
Тревожно иволги кричали.
И по облогам, у реки,
Лилась мелодия минором.
Немели струны от тоски,
Гитара плачет перебором.

Под тенью липы, у куста,
Осина робкая дрожала.
Она прекрасна и чиста,
Слегка подругу укоряла:
«Игрива тонкою листвою,
Ты – лебедь белая на плёсе,
И белоснежна берестой,
Как снег весенний на откосе...»

2001

ПОКАТИЛОСЬ КОЛЕСО

Покатилось колесо, колесо,
Задержалось над обрывом и со...
Сорвалась и не допела струна,
Резанула по рукам, да сполна.
Ни дороги, ни тропы – на камнях,
Распекают душу совесть и страх.
От судьбы совсем не просто уйти,
По ущелью колесу не пройти.

Не пройти, когда чужые – свои.
Нет дороги, если нет колеи,
А на небе пламенеет закат.
Не найти пути, а кто виноват?
И сорвался где-то в пропасть карниз.
Извините, здесь – не дамский каприз.
На вершинах, где белеют снега,
Упаси, Господь, коль дрогнет нога.

Вдоль обрыва – там, где берег морской
Пеной стелется, а волны – с тоской,
След веков, смывая, прячет вода.
Что прошло, уж не вернёшь никогда.
Одинокий волк завыл на луну.
Оступилось колесо, и... ко дну.
И душа взметнулась в высь, в небеса.
Затерялся след земной колеса.

2001

СКОЛЬКО ЛЕТ...

Сколько лет тот серебряный иней
Будет сниться, и длиться зима...
Твой остывший платок тёмно-синий,
Да хрустальных ресниц бахрома?

Бог ты мой, что же вьюга так злится?
Ведь метель подпевая, любя,
Робко в сердце тихонько стучится,
Чтобы снова напомнить тебя.

И на памяти – бархатный вечер,
Белой шалью завьюжит волна,
И ложатся снежинки на плечи,
Свет лиловый нам дарит луна.

И озябшие пальцы согрею,
Станут бисером капельки льда.
От улыбки твоей захмелею,
От грустинки – замёрзнет вода.

Белым облаком к небу взметнёмся,
Будут звёзды нам путь освещать...
У созвездия Девы проснёмся...
Чтобы утром расстаться опять.

И позёмка, тропу заметая,
Прерывает тот сказочный свет...
Ну, зачем эта вьюга шальная
На душе свой оставила след?

Сколько лет тот серебряный иней
Будет сниться, и длиться зима...
Твой остывший платок тёмно-синий,
Да хрустальных ресниц бахрома?

2001

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

*Добра не ищут от добра.
В родник целебный серебра
Ладони молча опуцу,
Под ивой тонкой погрущу.*

Разметала волосы грусть,
Извелась белугой, и пусть
На высоком гребне волны
Сгинет, словно тень Сатаны.

Напишу письмо, напишу,
Я тебя, сынок, попрошу
Отложить на завтра дела...
Голова, как сажа, бела.

Всё же мы с тобой – мужики,
Горечь всех обид и тоски
Не храни в душе – на беду,
Урони, что камень в пруду.

Время не воротится вспять,
Годы улетят, и, как знать,
Ангел, снизошедший с небес,
Встретит там, где сказочный лес...

Снова будут липы цвести,
Но не скажет кто-то: «Прости...»
И не сможет солнечный день
Бросить чью-то тень на плетень.

Ночью прослезятся кусты,
Мёдом будут пахнуть цветы,
Звёзды их согреют теплом,
Месяц окропит серебром.

2002

ЭТА НОЧЬ – МНЕ, КАК БАРХАТ БУТОНА

Эта ночь – мне, как бархат бутона,
Я пишу, вспоминая о Вас,
У лампы сияет икона,
Мать святая всё помнит о нас.
Этой ночью мне вовсе не спится,
Разметалась луна серебром,
Лист кленовый, слетая, кружится,
Всё искрится под звёздным ковром.

Жаль, вуаль кроет блики видений,
Лики локона, профиль, анфас.
Не ложится строка вдохновений.
Уж-то бес нас попутал тот час?
Белый пепел навеет не ветер,
Одолеет забытая грусть.
Околдован судьбою, но светел,
Очарован мечтою, и пусть...

На границе бескрайнего поля,
Путь усеян сиянием грёз.
Что-то воля – мне, словно неволя,
Тихий омут – под тенью берёз.
Что-то тянет – улыбкой незримой.
Бог ты мой, уж-то с нею родней?
Карглазой, безумно красивой...
Видно, Господу сверху видней.

2002

ЗАТЕРЯЮСЬ НА ВОЛЕ У ЛЕСА

Затеряюсь на воле, у леса,
Растеряюсь, черёмухи цвет
Упадёт на колени, повеса,
И красавицы свидится след.

И затеплится клевер душистый,
А берёза склонится листвою,
А над лугом – туман серебристый,
По-над логом – дымок с берестой.

А у ельника – там перетяги.
Разыгралась ольха... Ай, хитра!
То ли клён, то ли ясень, бродяги,
Любовались луной до утра.

И слышится крик журавлиный,
И по лунному следу пойду.
Затеряюсь, как пух тополиный,
В белоснежном весеннем саду.

Затеряюсь на воле у леса,
Растеряюсь, малиновый звон
Уведёт за собой, как повесу,
Под хрустальный церковей перезвон.

2002

Я БЫ МОГ...

*Я бы мог её унять,
А быть может, и понять...
Зов любви царит, и он имеет силу,
Ни наскоком второпях,
Ни в палатах, при цепях,
И парит-то он ни с жару и ни с пылу.*

А гитара напела бы лестно,
Струны тянутся сами к рукам,
Но поверьте, лишь Богу известно,
Как живется и дышится Вам.

Я бы мог уложить рифмы строчек
На алтарь – мне и Вам пополам,
Задарить, словно синий платочек,
И откланяться низко, мадам.

Белым облаком мог бы взметнуться,
Унести эту боль на руках,
У созвездия Девы споткнуться,
Затеряться навек в облаках.

Опуститься таёжным туманом,
По берёзе скатиться росой,
Быть не тронутым вовсе обманом,
Озариться янтарной красой.

С Вами было и не было грустно,
Жизнь – тонка и остра, как игла.
А цыганка гадала искусно
По наитию, видно, могла.

Разорвались парчовые сети,
Разлетелись осколки судьбы.
Растерялись, как малые дети,
Не нажить бы, однако, беды.

А гитара напела бы лестно,
Струны тянутся сами к рукам.
Но, поверьте, лишь Богу известно,
Как живется и дышится Вам.

Я бы мог уложить рифмы строчек
Тонким веером к Вашим ногам,
Задарить, словно синий платочек,
И откланяться низко, мадам.

2002

ПО СЛЕДУ, ПО ЛУННОМУ СЛЕДУ

По следу, по лунному следу,
Коня оседлаю силком,
Уеду, пожалуй, уеду,
Судьбу испытаю тайком.
У края стремнины взметнётся
Лихой вороной на дыбы,
В агонии танца неймётся...
Легко ли ему – до беды?!

Метель, завывая, шальная
Заносит мой праведный путь.
Не спросит... уймись, не родная,
С собой разберусь как-нибудь.
В снегу окунусь, и, немея,
Вдыхая снежинки в бору,
Под кронами сосен, хмелея,
Небесный букет собираю.

И брошусь к ногам листопадом,
Навстречу ветрам и богам,
Прольюсь золотым звездопадом,
Судьба, Вы – коварны, мадам.
По следу, по лунному следу,
Коня оседлаю силком,
Уеду, пожалуй, уеду.
Судьбу испытаю тайком.

2003

НО ЧТО-ТО ТЯНЕТ

Усадьбы юга – туи, розы,
Магнолий тонкий аромат...
А где-то – вьюги и морозы,
Сосновый бор, забытый сад...

Лазурный берег, шум прибоя.
Игриво стелется волна,
Легко скользя, как будь-то стоя,
Поёт гитарная струна.

Здесь чайки реют над волнами,
Лелеет бабушка внучка...
Но что-то тянет, между нами,
Отведать дольку чесночка.

Запарить веник, в пар душистый
Нырнуть, как в омут, с головой,
И окунуться в снег пушистый,
Бокал испить, затем – другой.

В санях на тройке прокатиться,
Держа узды в своих руках.
Из родника воды напиться.
Услышать где-то в облаках

Весенний лепет журавлиный.
Подснежник первый целовать.
Увидеть профиль лебединый,
И берег детства вспоминать.

Припомнить мать, отца и брата,
Цветы у стелы возложить.
Неужто так мы виноваты?
За всё приходится платить!

Скупая боль с лица скатилась,
Стекла, что девичья слеза,
Былинкой в воздухе кружилась
И жгла, безумная, глаза...

И плакал дед, и внук, кивая,
Казалось, им не хватит слёз,
Чтоб насладиться, созерцая,
Четой белеющих берёз...

2003

МЕСЯЦ НА ОПУШКЕ ОКРОПИЛ КУСТЫ

Месяц на опушке окропил кусты,
Целовал макушки – символ красоты,
Пригубил берёзы, тешась берестой...
Приласкал мимозы, словно холостой.
Лунною дорожкой низошел с небес,
Пошалил немножко, порезвился бес,
Поманил лучами – малое дитя,
Повела плечами девица, шутя.

Вышла на крылечко, млеет Млечный Путь,
Ёкнуло сердечко: «Будет то, что будь...»
По росе душистой, лугом босиком,
Вслед за серебристым подалась тайком.
А свобода – воля, силуэт добра,
Нет границы поля – чаша серебра.
Разливалось море золотых огней,
И казалось поле ближе и родней.

Встрепенулась птицей: «Чем не хороша?!»
Горлицей томится девичья душа.
Жаль, вдали далёко таял лунный след...
По ногам – осока, и его уж нет.
Месяц на опушке окропил кусты,
Целовал макушки – символ красоты,
Пригубил берёзы, тешась берестой...
Приласкал мимозы... вечно холостой.

2003

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ТРЕХ ДОРОГ...

На перекрёстке трёх дорог
Поросший мхом волшебный камень,
У родника, в траве залёг,
Зарёй над ним сияет: «Аминь».

Едва рукой коснись его,
Святой источник заискриться,
Испить глоток – милей всего,
И вещим сном всё воплотится.

«Пойдёшь налево, у куста,
Невесту встретишь, недотрогу,
Но жизнь окажется пуста,
И будет дальняя дорога...»

А коль направо повернёшь,
Судьбу-злодейку, проклиная,
Пожалуй, вряд ли обойдёшь,
Друзей, как недругов, теряя...»

Святое дело – выбрать путь.
И, видит Бог, тот вещий камень
Не талисман, а жизни суть,
Согреет душу нежно «Аминь».

«За рощей, прямо, у ручья,
Где лебедь белая игрива,
Найдешь тропу, она – ничья...
Она прекрасна...», – шепчет ива.

«И по траве босым пойдёшь,
Роса растает, испарится,
Ничком на землю упадёшь,
Избушке ветхой поклонится...»

На перекрёстке трёх дорог
Поросший мхом волшебный камень...
А где-то ждёт родной порог,
И кто-то тихо шепчет: «Аминь!»

2003

СНОВА МНЕ СНИТСЯ ТОТ СОН

Снова мне снится тот сон, дивный сон:
Вяз изумрудный в рябину влюблён,
Машет ветвями, листвою шелестя,
Вязью мерцает красиво, блестя.

Вязь серебрится, касаясь слегка
Пышных кудрей, видно, страсть велика.
В лик перекрестия луч неземной
Нити вплетает алмазной иглой.

Свет лучезарный сплетает узор:
Брови, ресницы и девичий взор...
Нежной парчи изумрудный наряд
Робко скрывает загадочный взгляд.

Тонкий муар прикрывает уста,
В трепете птицы – реснички листа,
И на запястье, где – тонкий браслет,
Капелькой счастья блеснёт амулет.

Будут сиять до зари, без оков,
Крохи росинок и горсть лепестков,
На сон-траве, на ворсинках цветка,
Бусинки – таять, сползая слегка.

А в поднебесье, за белой фатой, —
Алая роза и луч золотой...
Зоренька вспыхнет, и пламень огня
Лишь прикоснётся – утешит меня.

Снова мне снится тот сон, дивный сон:
Небо искрится, как утренний лён,
Цвет белоснежный – в цветущем саду,
Проблеск весенний – в хрустальном пруду.

2003

ПОЭТА ГРУСТЬ, СТРОКУ ЛЕЛЕЯ

Поэта грусть, строку лелея,
Ложилась поступью на круг.
Бокал вина испив, хмелея,
Приворожил гитару друг.

Строка вещала про каноны,
А рядом тонкая свеча,
Сжигая тени у иконы,
Роняла слёзы сгоряча...

И о туманах серебристых
Поёт гитарная струна,
О родниках кристально-чистых
Затосковала, да сполна.

Я возразить ему, не смея,
Пытаюсь внять его мотив,
А месяц ясный, не бледнея,
На небе – сказочно красив.

Сверкая, лунная дорожка
Вновь приоткрыла воле дверь,
В роскошном бархате, на стёжках,
Мерцает звёздная капель.

Аккорды с криком журавлиным
В седую даль уносят Русь...
А в поднебесье, тёмно-синем,
Косая тень – поэта грусть.

Строка поэта, грусть лелея,
Ложилась поступью на круг.
Бокал вина испив, хмелея,
Терзая душу, плакал друг.

2003

В СЕРЕБРЯНОЙ ДЫМКЕ

В серебряной дымке, на бархатный плёс,
В тени паутинки сплетения лоз,
С заоблачной дали, по кромкам весны,
К загадочной шали слетаются сны.

В серебряной сказке томится восток,
Из лепета ласки пробьётся росток...
Серебряный иней на талой земле,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.